

Проблема субъекта в отечественной марксистской традиции и в философии В. Декомба: альтернатива, взаимодействие или противоположность?

The Problem of the Subject in the Russian Marxist Tradition and in the Philosophy of V. Descombes: Alternative, Complementarity or Opposite?

Кудрин С.К.

Магистрант направления «47.04.01 Философия», 2 курс, Пермский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

Master's Degree Student of Direction «47.04.01 Philosophy», 2-nd year, Perm State University
e-mail: ward_93@mail.ru

Соснин В.А.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», 1 курс, Пермский Государственный национальный исследовательский университет
e-mail: vladimir.sosnin2012@yandex.ru

Sosnin V.A.

Postgraduate Student of Direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», 1-st year, Perm State University
e-mail: vladimir.sosnin2012@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются ключевые моменты концепции субъекта, развитые советскими философами-марксистами – Эвальдом Васильевичем Ильенковым и его последователем Феликсом Трофимовичем Михайловым в сравнении с концептом субъекта как дополнения агенса Винсента Декомба. В отличие от В. Декомба, советские философы делают акцент не на поиск инварианта, тождественной самой себе сущности (то, что есть субъект), а на том, как происходит становление субъекта. В данном процессе ключевую роль играет общественно-историческая практика. Они разбирают, как возникает личность посредством социальных факторов, как и при каких обстоятельствах она становится субъектом. Самое же главное – это то, что они затрагивают те вопросы, на которые не отвечает Декомб в своей концепции субъекта (например, как возникает язык, благодаря чему? Находится ли нечто за пределами языка? Как язык соотносится с миром?), чем доказывается, что рассматриваемая концепция субъекта является альтернативной концепции субъекта как дополнения агенса французского мыслителя.

Ключевые слова: отечественная философия, становление субъектом, советский марксизм, Эвальд Васильевич Ильенков, Феликс Трофимович Михайлов, Винсент Декомб, альтернатива, язык, мышление, субъект как дополнение агенса.

Abstract

This article discusses the key points of the concept of the subject, developed by the Soviet Marxist philosophers – Evald Vasilyevich Ilyenkov and his follower Felix Trofimovich Mikhailov in comparison with the concept of the subject as an addition of the agent of Vincent Descombes. Unlike V. Descombes, Soviet philosophers do not focus on the search for an invariant, an entity identical to itself (what the subject is), but on how the subject becomes. Social and historical practice plays a key role in this process. They analyze how a person arises through social factors, how and under what circumstances it becomes a subject. The most important thing is that they touch on those questions that Descombes does not answer in his concept of the subject (for example, how does language arise, thanks to what? Is there something beyond language? How does language relate to the world?), which proves that the concept of the subject in question is an alternative to the concept of the subject as an extension of the French thinker's agent.

Keywords: Russian philosophy, becoming a subject, Soviet Marxism, Evald Vasilyevich Ilyenkov, Felix Trofimovich Mikhailov, Vincent Descombes, alternative, language, thinking, subject as an addition of agent.

Проблема субъекта в современном мире крайне актуальна. Можно выделить три основные причины данного интереса к ней: во-первых, проблема субъекта пересекается с проблемой человека, а сам человек для себя – одна из центральных тем для размышления в силу социальных (возникновение человека как общественного существа в качестве условия его интереса к себе), биологических (видовой шовинизм) и психологических причин (определенное антропоцентричное устройство психики); во-вторых, социальные, политические и этические следствия из данной проблемы (как социум влияет на личность? Что значит быть политическим существом? Обладает ли человек свободой воли? и т.д.); в-третьих, исторические следствия проблемы субъекта (является ли открытие субъективности различием между древним человеком и новым?).

Новизна данной статьи состоит в том, что впервые подробно доказывается, что субъект в отечественной традиции марксизма есть альтернатива субъекту как дополнению агенса В. Декомба [1], основные положения которой заключаются в отношении восприятия самой сущности его, так и в понимании языка по отношению к субъекту.

Так, отечественный марксизм утверждает, что язык не самодостаточен, а зависим. Зависимость его происходит оттого, что он вторичен по отношению к мышлению, не говоря уже про мир, от которого он находится в состоянии сложной и многостепенной зависимости. Однако для В. Декомба язык субстанциален.

Для марксистской философской традиции бытие первично, мышление вторично. Мышление формируется благодаря общественной предметно-практической деятельности, понятой исторически. Однако бытие первично и по отношению к ней. Вначале – бытие, затем – общественная предметно-практическая деятельность, понятая исторически, потом – мышление, а затем уже – язык. Таким образом, возникает следующая цепочка, которая замыкается в цикл: бытие → общественная предметно-практическая деятельность, понятая исторически → мышление → язык → бытие. У Декомба же, в отличие от этой традиции, нельзя увидеть, как язык становится, кроме того, он определяет его как универсальный и прозрачный. В отечественной традиции марксизма язык есть социально-исторический феномен, сложная производная бытия через общественно предметно-практическую деятельность, понятую исторически.

У французского мыслителя формы языка предшествуют формам мышления, в отечественной же традиции марксизма наоборот.

Для того чтобы показать, как в действительности формы мышления относятся к формам языка, а, следовательно, какое мышление имеет отношение к языку, Э.В. Ильенков специально пишет работу «Соображение по вопросу об отношении мышления и языка» [2].

В ней Э. Ильенков выводит, что структуры мышления складываются в онтогенезе ребенка раньше, чем он начинает говорить и понимать речь. Эти структуры мышления возникают, согласно Э.В. Ильенкову, в форме сенсомоторных схем, иначе говоря, «схем непосредственной деятельности становящегося человека с вещами и в вещах...взаимодействия одного тела с другими телами, вне его находящимися» [2]. Эти сенсомоторные схемы есть логические формы или формы мышления самого по себе. Отсюда можно резюмировать, что формы мышления предшествуют формам языка, т.е. язык никак не может быть первичным, а, следовательно, он, как и было указано ранее, зависим, детерминирован мышлением. Мышление Э.В. Ильенков понимает как «способность обращаться с любым другим телом, находящимся вне своего собственного тела, сообразно с формой, расположением и значением его в составе окружающего мира» [2].

Кроме того, Ильенков в рассматриваемой работе показывает различие между животным мышлением и мышлением человека для того, чтобы снять всякие вопросы по проблеме отношения мышления и языка в обществе. Он полагает, что в области сенсомоторных схем между человеком и животным имеется серьезное различие – у человека эти схемы возникают как схемы деятельности с вещами, созданными человеком для человека и, таким образом, они воспроизводят логику разума в вещах, логику общественно-человеческого мышления. Вещи и отношения в человеческом мире имеют социальный, а не биологический характер. Такой же характер имеют и человеческие сенсомоторные схемы, формирующиеся в ходе онтогенеза. Но при этом, они являются предпосылкой и условием развития речи – «деятельности с языком и в языке» [Цит. по: 2].

Таким образом, Ильенков делает вывод о том, что логику мышления как такового можно уразуметь до, вне и независимо от изучения логики языка, но логику языка нельзя понять до, вне и независимо от исследования логики мышления, т.е. нельзя, размышляя в таком духе, понять ни мышление, ни язык [Цит. по: 2].

В свою очередь, Феликс Трофимович Михайлов, ученик Э.В. Ильенкова, в своей книге «Загадка человеческого Я» [3] также подтверждает положение, гласящее, что формы мышления предшествуют формам языка. Так, у ребенка, который благодаря физическим движениям постигает предметный мир, с необходимостью развиваются движения органов речи, делающие возможным своеобразное согласование взаимодействий в людской среде. Функции этих речевых органов формируются не только благодаря биологическим закономерностям. Так, при помощи активной социализации ребенка, которая происходит посредством речи, дитя овладевает в движениях органов речи фонетическим строением языка [Цит. по: 3, с. 255]. Ф. Михайлов явно показывает, как язык и мир относятся друг к другу в отечественном варианте марксизма – мир первичен, язык вторичен, так как мир отражается в языке, а не язык в мире [Цит. по: 3, с. 232]. У В. Декомба такого отношения не выстраивается, ибо язык есть самодостаточная реальность. Отечественный мыслитель продолжает детализировать отношение языка и мира, уточняя, что слово имеет значение для человека в силу того, что оно является призывом к реальным, чувственно-конкретным действиям с вещами потому, что в значении слов обретается объективное значение самих предметов и явлений в общественной жизни – жизни, которую человек ведет с помощью других людей, а, следовательно, также посредством слов [Цит. по: 3, с. 263]. Михайлов Ф.Т. завершает эту детализацию тем, что слово зовет нас к практическим действиям с предметами, многократно повторенное на практике. Если нет никакого материального, практического применения сущности предмета, если не существует конкретных, установленных в обществе, сформировавшихся исторически навыков действий с предметом, он нем, как рыба. Другими словами, человек не ведает, что можно сделать с этим предметом, что он есть, как и где он может быть использован и т.д. [Цит. по: 3, с. 239].

Языковое мышление есть мышление самой деятельности. В нем различается речь и язык как два разных, но связанных между собой модуса сознания посредством самого

языкового мышления. Это языковое мышление дает «пищу» концептуальному мышлению. Концептуальное мышление вторично по отношению к языковому, подобно тому, как формы языка вторичны по отношению к формам мышления. У французского мыслителя вообще нет разделения на языковое мышление и концептуальное, предметом его исследования оказывается сугубо концептуальное мышление.

В работе «Деятельность и знание» [4] Ильенков доказывает, что знание есть всегда знание определенного предмета, а незнание системы фраз о предмете или, иначе говоря, незнание предмета, уже представленного в наличном языке – его вербализованного. Это положение направлено против аналитического течения в западной философии, в том числе и против концепции субъекта В. Декомба. Предмет существует как за пределами языка, так и вне зависимости от какого-либо языка, оформленного в себе самом [Цит. по: 4]. Но для аналитической философии предмет уже всегда словесно оформлен, он есть объект лингвистических манипуляций [Цит. по: 4]. До его «оречевления» он вообще не мыслится, не существует для аналитической философии [Цит. по: 4]. Применительно к проблеме субъекта это значит, что в аналитической философии выявляется не сам субъект, а его концепт. Этот концепт как-то связан с действительным субъектом. Но как – ответ на этот вопрос остается открытым.

В дополнение к вышенаписанному, в работе Ильенкова становится ясным, что субъект в марксизме, развивавшемся в Советском Союзе, не обретается в языке и не замыкается в нем, но становится субъектом лишь в процессе предметно-практической деятельности по преобразованию мира. Таким образом, субъект выступает как творец по отношению к окружающему миру благодаря этой деятельности.

Это положение становится более явным в работе Эвальда Ильенкова «Материалистическое понимание мышления как предмета логики» [5]. Так, в данном произведении он заключает, что между человеком и природой есть посредник, который помогает природе трансформироваться в мысль, а мысли – в тело природы. Этот посредник, согласно Э.В. Ильенкову, – практика, или же труд, или же производство. Собственно, этот посредник и осуществляет трансформацию предмета природы в предмет созерцания и мышления [Цит. по: 5].

Ильенков выделяет решающую роль общественно-предметной деятельности в процессе становления субъектом, так как научная картина мира может быть, по Э.В. Ильенкову, адекватно дана лишь через деятельность человека и в деятельности общества, ибо только эта деятельность, вносящая изменения в настоящий облик природы, может показать каков он (облик природы) до и без погрешностей, внесенных субъектом. Таким образом, лишь общественно-историческая практика может решить, что именно принадлежит непосредственно предмету, который наличествует в созерцании как предмету природы, а что вносится в него посредством деятельности человека как субъекта этой деятельности [Цит. по: 5].

Далее Ильенков конкретизирует, что эта общественно-предметная деятельность должна быть рассмотрена в качестве труда, ибо он считает, что человек как деятельный субъект существует только тогда, когда воспроизводит свою жизнь в виде, созданном с помощью своего труда [Цит. по: 5].

Кроме того, Э. Ильенков констатирует, что благодаря труду появляется нужда в языке, а после возникает уже сам язык [Цит. по: 5], показывая тем самым, что он имеет производное происхождение от труда.

Если язык в этой философской традиции не является самодостаточной реальностью (как уже было показано выше), то в действительности субъект может иметь понимание и знание самого себя, но надо понимать, что язык как общественная система неких правил противостоит отдельному индивиду, навязывая ему себя. И это необходимо учитывать в исследовании проблемы субъекта в отечественной версии марксизма.

Кроме того, в советском марксизме явно различается концептуальный язык и язык как часть реальности путем того, что разводится концепция и реальность, понятие и действительность и показывается их взаимоотношение как порождаемого и порождающего.

В дополнение к этому, эта философская традиция знает, что язык всегда теоретически нагружен. Он выходит из определенной исторической и социально-культурной среды, несет на себе следы той или иной идеологии и, тем самым, влияет на субъекта. В этом плане это направление советской философии учитывает все недостатки, связанные с разумением языка у Винсента Декомба, которые впервые были подмечены Чарльзом Лармором [2] в начале 00-х гг. XXI в., еще в 70-е гг. XX в. в СССР. Таким образом, становление субъектом есть альтернатива варианту субъекта как дополнения агенса.

Литература

1. *Декомб В.* Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2011. – 576 с.
2. *Дуденкова И.В.* Грамматика субъективности и отсутствие субъекта. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/du32.html> (дата обращения: 19.03.2020 г.)
3. *Ильенков Э.В.* Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи). URL: <http://fignissimo.ru/books/69.pdf> (дата обращения: 19.03.2019 г.)
4. *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. – Москва: Политиздат, 1964. – 270 с.
5. *Ильенков Э.В.* Деятельность и знание. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/actcog.html> (дата обращения: 19.03.2019 г.)
6. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. URL: <https://fil.wikireading.ru/17516> (дата обращения: 19.03.2019 г.)